

Григорий Померанц

В школе и ее окрестностях

27 октября состоялась презентация новой книги Е.А.Ямбурга «Школа и ее окрестности»¹. Она начинается своеобразным диалогом: «Разговорчики в строю», разговором с воображаемым собеседником, взволнованным положением нашей страны и кризисом школы. Я выбрал для анализа четвертый «разговорчик». Захватила мысль о *«целенаправленном развитии у детей и юношества необходимого нравственного чутья, позволяющего отличать правду от лжи, защищающего молодого человека от манипуляции его сознанием»* (подчеркнуто мной. – Г.П.).

Прочел – и сразу вспомнил, как в 1936 г., в мои 18 лет, пробудилось это чутье. Мы тогда построили социализм. Строили, строили фундамент социализма и вдруг нам объявили, что социализм построен. Я как раз сдавал политэкономия социализма, привел необходимые доказательства и получил пятерку. Но мама дальше женской гимназии не продвинулась. Представление о социализме у нее сложилось из разговоров дореволюционных социал-демократов; что

¹ Ямбург Е.А. Школа и ее окрестности. М., 2011. – 574 с.

у нас построили, она не могла понять. «Гришенька, – спросила она. – Неужели это социализм? Ради этого люди шли на каторгу, на виселицу?» До сих пор помню ее вопрос и мой ответ: «Конечно, у нас победила общественная собственность на средства производства...». И не успел я это договорить, как в углублении посредине груди, безо всяких доказательств, вспыхнуло сознание, что я лгу. Мама ничего не понимала в производительных силах и производственных отношениях, но в памяти у нее осталось представление о социализме как о чем-то очень светлом, как о синониме общего равноправного счастья, когда никто никого не угнетает, – и я понял, что никакого общего счастья нет, что мы еле-еле вырвались из общего голода и жизнь остается трудной, труднее, чем до объявления социализма, гораздо труднее...

Но вернемся к разговорчикам в книге Ямбурга. Там несколько раз проходит контрапунктом парадокс о плохой жизни победителей и хорошей жизни побежденных немцев. Разговоры об этом надоели. И вдруг мелькнул неожиданный поворот: оказывается, шведские историки считают, что поражение Карла XII под Полтавой – благоприятное событие в истории Швеции, один из толчков к окончанию разорительных

войн. И напрашивается вывод, что поражение иногда устраняет преграды в мирном развитии. А значит, расцвет Германии после военного поражения укладывается в какую-то закономерность. В самом деле, далеко ли ходить за фактами? Вспомним поражение России в Крымской войне 1854–56 гг. И сразу за этим целый ряд «конструктивных эмоций»: рухнуло крепостное право, одна за другой пошли реформы, открылся общий доступ в университеты, из сплава либерального дворянства с разночинцами сложилось новое сословие, названное Боборыкиным «интеллигенцией»; наконец, начался взрывной рост русской литературы.

В более узкой сфере, в создании победоносной армии, решающим толчком для Петра было позорное поражение под Нарвой, отказ от простого копирования западных армейских образов и создание своеобразной воинской структуры, лучшей для своего времени.

На этом фоне расцвет Германии, освобожденной от Гитлера, перестает казаться парадоксом. И понятен застой в России, отравленной ядом сталинских побед. В поединке двух чудовищ выиграла та страна, которая проиграла войну, и попал в тупик победитель, не способный освободиться от тягостного наследства. Что было бы, если бы нас в 1945 г. оккупировали жители

луны или Сатурна? К сожалению, подходящего победителя история не подготовила, и нам самим приходится хоронить разлагающийся труп.

История полна неосуществленных возможностей. Что, к примеру, было бы, если бы маршал Шапошников убедил Сталина весной 1942 г. перейти к «стратегической обороне»? Тогда не состоялся бы прорыв немцев к Волге и Эльбрусу. Эйнштейн не дошел бы до отчаяния и не раскрыл бы Рузвельту секрет физиков. Атомная смерть не нависла бы над землей.

Увы! Сталин уволил Шапошникова в отставку. Сталин гнал войска в ловушку, расставленную Гитлером. Ловушка захлопнулась, и Гитлер, опьянев от победы, погнал свои танки по двум расходящимся направлениям. Фронт чудовищно растянулся, и пришлось заполнить его румынскими и итальянскими армиями, испанской дивизией и т.п., аккуратно расставленными между немецкими частями. А Сталинград держался. Я помню миг, когда Сталин срейфил и попытался массой пехоты срезать немецкий клин к северу от Сталинграда. Это истерическое решение привело к огромным потерям. Но Сталинград держался, и Рокоссовский, расформировав часть дивизий, за их счет привел в

боеготовность остальную пехоту, и она вошла в прорыв вслед за танками...

Я помнил, что шел в прорыв без всякой веры на успех. 16-ю немецкую армию мы зимой уже окружали, но уничтожить не смогли, а сейчас на моих глазах в прорыв вошел полк зенитной артиллерии; немецкие самолеты, попугав нас, задымились и исчезли. Господство их в воздухе кончалось. И постепенно ко мне стало возвращаться чувство победы. Оно разливалось в головах миллионов солдат и офицеров. После всех передраг в нашей дивизии осталась одна сводная стрелковая рота из двадцати семи, и с этим обрывком мы гнались за немецкими частями, уходившими от угрозы еще одного окружения. И с единственной ротой мы заняли город Шахты, попали в «Последний час», получили гвардейское звание и, выйдя на реку Миус, убеждали наши пополнения, что они теперь гвардейцы-сталинградцы. Я с энтузиазмом искал в пополнении бывалых солдат и передавал их опыт новичкам, как наш опыт, и новички поверили, что они в самом деле гвардейцы-сталинградцы. И когда дан был приказ, они лихо прорвали не румынский и не итальянский, а настоящий немецкий фронт.

Ямбург заканчивает свой четвертый разговорчик цитатой из моей статьи: «Мы до сих пор не умеем отделить от тени кровавого деспота народные подвиги при обороне Одессы, Севастополя, Ленинграда, Сталинграда, Тулы и безымянные подвиги бойцов, погибших на своем рубеже, и беспечную удачу танкистов, сделавших ненужной атомную бомбу в Европе... И вот до сих пор мы топчемся между правдой и кривдой, между чувством вины соратников Сталина и чувством гордости победителей Гитлера. А без *нравственной ясности* нельзя бороться с гнилью, разъедающей наше общество, и нельзя опрокинуть призраки прошлого, за которыми прячется цинизм и бесстыдная ложь».

Я советую читателям несколько раз перечитать предыдущий абзац и подумать о внутреннем противоречии нашей победы. В памяти многих участников боев это была победа народа. Но с каждым днем после последнего выстрела это становилось все больше и больше победой нравственного чудовища, плевавшего на всех. Он отправлял в лагеря солдат, попавших в плен (четыре миллиона пленных!) Во всем вермахте было не больше солдат, офицеров и генералов. А кто виноват в том фантастическом числе пленных и кто собственно победил?

Сталин отменил даже символическую плату за медали и ордена. Он каждый год придумывал новую волну террора, чтобы сбить гордость с победителей. Он заменил политбюро президиумом из 25 человек, никому неизвестных, растворив бывших вождей в безликом множестве, с прозрачным замыслом отправить соучастников своих преступлений на плаху. Первым делом коллективного руководства после смерти вождя, пока толпа рыдала вокруг трупа, было нарушить решение XIX съезда, упразднить президиум и восстановить старое политбюро. И первым подвигом коллективного руководства стала отмена дела врачей. Даже не оправдание – просто отмена, а потом арест и казнь Бериин, в руках которого сосредоточились обрывки слишком больших полномочий.

На этом кончился тур сталинских побед, эпоха великого распухания сталинского наследства. И начался второй тур – попыток затормозить начавшийся распад.

Шла глобальная игра в поддавки. Победители Гитлера понемногу теряли все свои колонии: Англия, – сохраняя здравый смысл, Франция – с нервными вспышками. Советский Союз временами даже кое-что прихватывал, но в конце концов все потерял и сам потерялся вместе со своими социалистическими

идеями, и осталась Россия с памятью прошлого и попыткой это прошлое как-то восстановить.

А в мире продолжались сдвиги. Соединённые Штаты сперва казались победителем чистой воды. Им нечего было терять. Они только приобретали. Но постепенно их захватило вымирание белой расы и общий нравственный распад Западного мира. На первое место выходит Китай. В годы моей юности – полуколония, Китай стал мировой державой. Если направление и темпы истории сохранятся, то Индия сохранит свое духовное первенство, а Китай займет контрольный пост в охране нового порядка. Главной проблемой станет солидарность в охране биосферы. Удастся ли объединить северные страны и установить равновесие между ними и новыми центрами силы? Без солидарности в охране биосферы грозит общий упадок. И как избежать его?